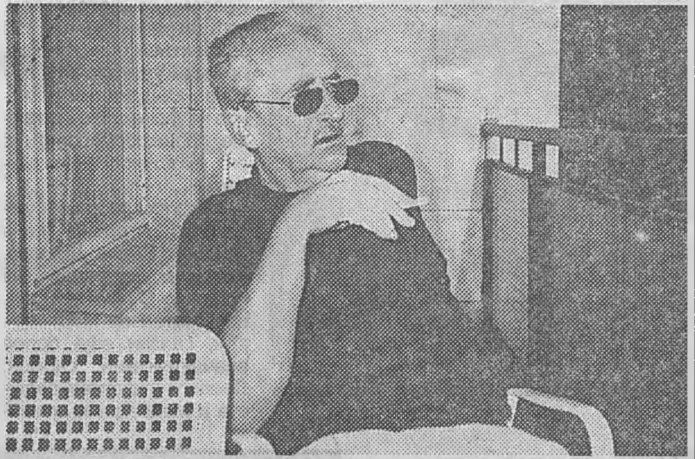

Умер автор фильма «Никто не хотел умирать»

**А совсем незадолго
до этого
Витаутас
Жалаквичюс
встретился
с нашим
корреспондентом.
Кто знал,
что эта беседа
станет
для Мастера
подведением
окончательных
итогов...**

Наш корреспондент видел Витаутаса Жалаквичюса одним из последних.

Витаутас Жалаквичюс - автор таких известных фильмов, как "Никто не хотел умирать", "Это сладкое слово - свобода", "Кентавры", "Авария", "Расказ неизвестного человека". Недавно в Вильнюсе состоялась премьера его спектакля "Эндшпиль" по Бекету. Название оказалось символическим...

- Эта пьеса строится на идее конца жизни на Земле и ее возобновлении, - рассказывал Жалаквичюс. - Бог и, скажем так, его родственник где-то в космосе доживают свою жизнь, играя. Это - конец их партии, эндшпиль.

- Не отсюда ли и название вашей киностудии в Вильнюсе - "Студио-2000", - которое перекликается с известной библейской датой?

- Не знаю даже. В общем-то это - конец мира по разным верованиям. Но в свое название я скрытых смыслов не вкладывал. Потом узнал, что в мире существуют еще две киностудии с таким же названием.

- Сейчас вы что-нибудь снимаете на своей студии?

- Была задумка с "Форафильм", но все это затем как-то ушло. Вообще мы живем сейчас в странное время, малозначительное. С тобой могут много говорить, заказывать проекты, обещать, а потом просто забыть, что ты вообще существуешь.

- А с российским кино у вас сохранились контакты?

- Там свои стоят в очереди. Русское кино находится в кризисе, чего не было еще пару лет назад. Хотя в России и снимается много фильмов, но их потом никто нигде не показывает. Кроме отдельных проектов, которые проталкиваются через определенные банки. Куда пропадают картины - неизвестно. Они и снимаются совершенно для другой цели - не для того, чтобы их показывать. Происходит отмывание денег.

Конечно, картины моих российских коллег, случается, даже показывают по телевидению в Германии, Голландии или во Франции. Однако интерес к русскому искусству - Чехову, Толстому, который раньше существовал, ныне заметно иссяк. Слишком много российской крови влилось сейчас на Запад - русская живопись, русский балет, русские песни и рестораны...

Но все равно Россия - страна большая и для своего кинорынка она будет делать кино. Кино в России умереть не должно. А вот в Литве оно обречено на генетическое окончание. Это - эндшпиль.

- Скажите, а какие свои фильмы вы можете назвать своими любимыми?

- Для меня все мои фильмы, включая не только те, которые поставлены, но и сценарии, замыслы выстраиваются в ряд, в одну линию. Она, может, не совсем ровная, но все же...

Мои московские работы - те, что за 11 лет снял на "Мосфильме", стали в кино образцом того времени. За исключением, наверное, Бондарчука, я ставил самые дорогие фильмы из всех, что делались в Советском Союзе. Я, может, хотел снимать что-то совершенно другое. Хотя одна картина из всего московского одиннадцатилетия очень мне дорога. Это - "Расказ неизвестного человека" по Чехову с Кайдановским и Женей Симоновой.

Я хотел когда-то делать "Бесов" и стучался в самые высокие двери. Хотел делать "Волшебную гору" Томаса Манна - и тоже околачивал пороги очень высоких кабинетов. Вот на это нужно было тратить свое самое лучшее время в жизни - от 40 до 50 лет.

- Но чиновники отказывали?

- Какая разница? Я не жалуюсь, я жил в Москве не изгоем, меня приняли очень хорошо. И был большой круг людей, которые меня любили, в том числе те, от которых зависела судьба. Но, когда дело упиралось в "Бесов" Достоевского и даже в Чехова, мне недвусмысленно говорили: это все-таки русский материал, а ты, Витас, совершенно другой, ты у нас - западник. А я в России прожил 23 года и очень люблю эту страну - русскую литературу, русскую мысль, русский дух, тот менталитет, который сохранился от прошлого. И очень рад, что мне удалось в жизни к этому прикоснуться.

- А где в России, кроме Москвы, вам приходилось бывать?

- Когда я говорю Россия, я имею в виду культурный континент. Хотя удалось посмотреть Зауралье, когда шли съемки под Свердловском. Снимал и в Санкт-Петербурге. Но Россию, скажем, Василия Шукшина я не знаю.

- Ваш фильм "Никто не хотел умирать" - о трагедии народа, когда один брат уходил в лес, и второй, поверив в Советы, автоматически становился его врагом. Как вы сейчас относитесь к проблеме возмездия тех, кто находился в национальном сопротивлении, и уничтожения заслуг тех, кто находился по другую сторону окопов?

- Знаете, из этого состоит история человечества.

Для начала давайте согласимся с тем, что подонки были

по обе стороны баррикад. Поэтому невозможно подсчитать тех, кто был на советской стороне, но был литовским патриотом и старался что-то спасти, равно как никто и не подсчитал, сколько было стукачей и завербованных в "лесных братях".

История - это кровь. И ее нельзя разрешить одним каким-то конкретным произведением или философским трактатом. Для этого необходимо народное согласие.

Чтобы понять происшедшее тогда, изменение национального менталитета, если хотите, надо помнить, что отдельная жизнь во время войны ничего не значила. Людей к этому приучили: то в окружении погибали целые армии, то в гетто происходит массовое уничтожение евреев.

- Но, согласитесь, и сейчас жизнь отдельного человека немного стоит. Те же региональные войны, организованная преступность косят сотни людей...

- Да, распуск СССР породил большую кровь. И преступные группы глубоко интернациональны. Очень много джентльменов из разных структур скрестились с ворами в законе. Объединилось двойное знание, двойное умение. Появились бешеные деньги - бывшие партийные, потом - от контрабанды металлов, нефтепродуктов. Возникли "свои" банки в Москве, Риге, Вильнюсе. (К слову, все сбережения Жалаквичюса растворились в двух внезапно обанкротившихся литовских банках. - К.М.)

А чеченская война, которая породила несколько десятков тысяч потенциальных убийц? Это - новая "черная гвардия".

- При этом остается лишь вспомнить, что спасение утопающих - дело рук самих утопающих. Никто ведь сегодня не может быть уверен в собственной безопасности. Однако, отвлекаясь от столь глобальных тем, позволю себе заметить, что и вы себя не бережете. Курите одну сигарету за другой, несмотря на перенесенный инфаркт...

- Да, ничего не могу поделать с этой привычкой. Впрочем, это - не единственная моя слабость. Люблю китайскую кухню, готовлю сам. Обожаю молдавские и грузинские вина.

Но остается то, что мешает жить. Некое чувство ненужности. В данном случае говорю по поводу зрителя, потому что интересы людей сейчас определены чем-то иным, нежели кинематографом.

Карен МАРКАРЯН.

Фото автора.